

УДК 159.922.1:37.018.1

**СПЕЦИФИКА КУЛЬТУРНО-ОБУСЛОВЛЕННЫХ РОЛЕВЫХ КОНФЛИКТОВ РОДИТЕЛЕЙ
В СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬЕ***Ю. В. Борисенко***THE SPECIFICS OF CULTURE DETERMINATE ROLE CONFLICTS OF PARENTS
IN THE MODERN FAMILY***J. V. Borisenko*

В статье рассмотрены проблемы и тенденции трансформации современной семьи. Анализируются современные особенности выполнения родительской функции семьи. Предпринята попытка проанализировать, каким образом социально-исторические, экономические, демографические, культурные условия, нормативные установки современного общества, культурно-обусловленные ролевые ожидания матерей и отцов оказывают влияние на становление ролевой структуры семьи при рождении ребенка. Автор полагает, что несогласованность современных гендерных моделей приводит к возникновению родительских и супружеских конфликтов, обуславливающих нестабильность семьи.

In the article there the issues and tendencies of the transformation of the modern family are discussed. The modern specifics of parenting are being analyzed. There is the attempt to analyze the way social, historical, economic, demographic cultural circumstances, culture determinated attitudes of mothers and fathers influence on development of role structure of the family when he child appears. The author postulates that a mismatch of modern gender models leads to parents' and matrimonial conflicts, which determinate the instability of the family.

Ключевые слова: социальные условия, родительство, ролевой конфликт.

Keywords: social circumstances, parenting, role conflict.

Современная семья переживает период трансформации или кризиса становления в новых социальных, экономических демографических условиях. Увеличивается количество форм брака и возможных видов взаимоотношений в семье, допустимого распределения ролей и функций внутри семьи, расширяется диапазон приемлемого в сфере семьи и брака. С одной стороны, это ведет к уменьшению ответственности и эмоциональной вовлеченности в брачных отношениях таким образом, что становится возможной так называемая последовательная моногамия, когда отношения поддерживаются до первого серьезного конфликта или до появления нового партнера в жизни одного из супругов. С подобной проблемой пытаются работать европейские страны и США. В контексте «свободной» семьи очень сложным становится вопрос о детях: их появления вообще, опеки над детьми от предыдущих браков или отношений, распределении обязанностей разведенных родителей. Появляются даже теории, описывающие отношения в браке и родительство через призму личностной зрелости супругов [9]. При этом нежелание вступать в брак вообще, нежелание иметь детей рассматриваются как признаки незрелости (инфантильности) личности. С другой стороны, появляются приверженцы «осмысленного» включения супругов в жизнь семьи [11]. При этом теоретическое осмысление, развитие концепции исследования данного феномена следует за формированием устойчивого интереса к проблеме в психологической практике [16]. В США существует несколько частных центров поддержки родительства и семьи, где происходит обмен опытом самих увлеченных родителей друг с другом. Эти центры поддерживают, а иногда и финансируют исследования в этой области [11]. Согласно зарубежным исследованиям психологическое значение «ответственного» «вклю-

ченного» отношения к семье для личности и для семьи в целом особенно ярко проявляется в кризисные периоды брака. За рубежом родительство часто изучается в контексте и взаимосвязи с брачными отношениями [11]. При этом считается, что успешность родительства связана с развитием супружеской системы, которая, как любая другая, характеризуется динамикой: развиваются супруги и меняются их отношения. Среди самых сложных моментов начального этапа жизни семьи большинство исследователей выделяют нормативные кризисы семьи: первый год супружеской жизни [4]; кризис появления первого ребенка [5]. Эти кризисы являются точками бифуркации системы, когда возможно принятие новых ролей и формирование новых подсистем семьи, но возможно и достаточно быстрое разрушение системы.

При этом очень важна социальная поддержка молодой семьи, начиная с отношения близкого окружения к данному браку, присутствия родственников и друзей на свадьбе, разного рода помощи супругам (психологической, материальной), отсутствия серьезных конфликтов по поводу супружества и стратегии родительства со старшим поколением расширенной семьи и заканчивая специфическими социальными условиями в государстве, таким, как: возможность оформления брака, условия проживания, наличие социальных пособий молодым родителям и др. Подсистема супружеской пары начинает особенно активно формироваться с момента заключения брака. Это время совместной выработки семейных правил, распределения ролей имеет большое значение для последующей устойчивости семьи. Основной деятельностью, объединяющей супругов в супружескую подсистему на начальных этапах брака, является аккомодация (приспособление) супругов друг к другу, согласование ожиданий от-

носителем близости-отдаленности, распределения домашних обязанностей, уровня допустимых контактов с окружением. Субсистема родителей начинает складываться в семье с момента осознанного решения о появлении в ней ребенка. Понятия супругов об отцовстве и материнстве могут быть различными, в интересах ребенка желательно, чтобы они были согласованы. Большое количество супружеских конфликтов так или иначе связано с разногласиями в сфере воспитания детей. В этом смысле важно, что позитивный опыт согласования и приспособления друг к другу, построенный в субсистеме супружеской пары до рождения ребенка, помогает разрешать конфликтные ситуации конструктивно. Соответственно нарушение процесса принятия ролей мужа и жены, смешение супружеских и родительских ролей, связанное с ранним рождением ребенка (при наличии добрачной беременности), может выступать фактором нестабильности семьи [4].

Под «ролью» в данном контексте понимается определенный способ поведения человека в отношениях с другими людьми, сложившийся у него при жизни, наиболее предпочитаемые формы взаимоотношений с другим человеком [4]. И супружеские, и родительские роли могут быть комплиментарны (взаимодополняющие модели поведения супругов) и некомплементарны. Когда роли взаимодействующих супругов не дополняют друг друга, то их отношения легко могут стать конфликтными, совместная деятельность не будет эффективной, совместное пребывание будет вызывать дискомфорт. Однако в современном обществе рассогласование родительских ролей является общей для всех семей проблемой. Такое рассогласование, связанное с современной трансформацией семьи и гендерных ролей, имеет длительную историю формирования и не разрешается одномоментно, так как обусловлено историческими и социальными процессами. *Целью данной статьи* является анализ этих процессов для формирования научной базы для разработки программ психологической помощи молодым семьям.

Работы социологов и историков по родительству говорят о том, что родительство – по существу, социальное явление. Например, каждое поколение формулирует свой культурный идеал отца, согласно своему времени и условиям, и каждое имеет дело с неизбежным пробелом между тем, что LaRossa [16] назвал «культура» отцовства и «поведение» отца в семье. Социологические и исторические исследования также проясняют, что отцовство не может быть определено в изоляции от материнской заботы и ожиданий матерей, и от социальных стереотипов заботы о детях в обществе, и что эти социальные ожидания были довольно разнообразными в двадцатом столетии: культура отцовства и поведения отцов изменяется от столетия к столетию, как изменяются и социальные, и политические условия.

На ранних этапах развития человеческого общества уход за детьми и их воспитание были делом всей родовой общины. Родительские функции распределяются между широким кругом родственников, и детей поощряют считать себя принадлежа-

щими к группе как к целому. Привязанность между ребенком и его физическими родителями не развивалась.

Демографы считают, что существует специфическая «потребность в родительстве», в отцовстве и материнстве. С одной стороны, эта потребность поддерживалась тем, что дети были экономически полезны. Дети были помощниками в производстве и кормильцами в старости. В патриархальной семье много детей, особенно сыновей, было гарантией прочности социальных позиций в семье [2].

Существует другое объяснение, с точки зрения теории «полезности», которая заявляет, что «дети нужны как объект альтруистической заботы и опеки». Но у этой теории есть серьезные ограничения: данная теория гласит, что, когда полезность детей падает, то и «потребность в детях» ослабевает. Но люди прошлого далеко не всегда имели выбор – это противоречило основным догматам их поведения (религия, традиции) [2].

Кроме того, существовала практика инфантицида, связанная с дефицитом средств к существованию. Оседлый образ жизни и более надежная пищевая база снижают вероятность инфантицида, убивали в основном младенцев, которых считали физически неполноценными, или по ритуальным соображениям, например близнецов [10].

В первобытном обществе убийство ребенка не считалось таким преступлением, как убийство взрослого, похоронный обряд сводился к минимуму или отсутствовал. Но иметь детей считалось почетным, и не только родители и близкие родственники, но и другие взрослые члены общины обычно были ласковы и внимательны к детям [4].

Даже в античном обществе забота о детях зависела от воли взрослого. Аристотель считал справедливым, что ребенка-калеку кормить не следует, Цицерон писал, что смерть ребенка нужно переносить «со спокойной душой». Маленькие дети не вызывали у античных народов чувства умиления, их, по большей части, не замечали. Ребенок рассматривался как низшее существо, которое принадлежит родителям, как прочая собственность. Например, по данным Ш. Барта [6], в древнем Египте отношения отцов и детей строились на взаимовыгодном сотрудничестве, дети помогали по дому, отцы их кормили. Дети были полностью подчинены воле отца. И хотя в позднем Египте уже существовали школы, тем не менее в большинстве случаев, подчиняясь традиции, именно отцы обучали своих сыновей, в том числе и тому, что значит быть отцом.

В древней арабской культуре отец был главой семьи и решал все вопросы, в том числе и выбирал брачных партнеров своим детям. Отношения «отец – ребенок» строились на строгости и жесткости. У древних израильтян отец почитался как Бог-творец, был не только защитником и кормильцем, но и карал за проступки. В Древней Греции отец вообще не принимал участия в воспитании своих детей. В Древнем Риме отношения отца и детей строились как отношения владения вещью, а не на основе любви или заботы [5]. Однако такая картина роди-

тельства просматривается только по нормативным и юридическим документам Древнего Рима. Сейчас считается, что отец в Древнем Риме был не чужд милосердия и не был жесток к своим детям [2]. Право полновластного распоряжения жизнью и смертью детей было отобрано у отцов только около 390 г. н. э. [2], инфантицид только в 318 г. был приравнен к человекоубийству [10].

Раннее христианство привнесло духовность в отношения отца и детей, кроме того, стали четче разграничиваться отцовская и материнская функции. В отношениях появилась эмпатия. Однако позднее, в средние века, происходят значительные изменения: появляется новая социальная роль – священник, исповедник, который вмешивается во все внутренние дела семьи и берет на себя функцию отца. При этом сам дает обет безбрачия и не имеет права иметь детей. Таким образом, происходит ущемление отцовства как важнейшей роли в жизни мужчины. Данная тенденция еще более усиливается в двенадцатом – тринадцатом веках, когда отцовство связывается с женщиной и грехом. Только в четырнадцатом веке церковь начинает почитать материнство и позднее отцовство, когда, согласно учению Фомы Аквинского, духовные наставления отца становятся важны для воспитания ребенка в духе почитания религии.

Однако формирование стойкой привязанности родителей к детям затруднялось из-за высокой смертности и высокой же рождаемости: холодное отношение к смерти детей – своеобразная психологическая защита. Воспитание детей вне семьи, в закрытых пансионах и монастырях в среде феодальной знати приводило к тому, что взаимоотношения родителей и детей регламентировались не чувствами, а нормой и сознанием родственных обязанностей и правил этикета. В России дети практически рабски зависели от родителей. Женщина (жена) и дети находились в зависимости от отца. Церковные предписания требовали строгости воспитания. Домострой запрещал даже смеяться и играть с ребенком [2].

В средневековой Европе воспитание детей было небрежным, не играло сколько-нибудь важной роли в жизни человека. Однако в пятнадцатом – шестнадцатом веках происходит усиление требовательности и строгости к детям [6].

Только во времена Ренессанса отношения к семейным функциям начинают меняться. Реформация сделала женские роли матери и хозяйки в доме главными и единственными в жизни женщины. Отцовские же функции не контролировались больше церковью, так как брак был теперь в ведении государства, таким образом, и отцовские функции регулировались обществом [10].

В восемнадцатом веке мать берет на себя еще больше семейных функций, занимаясь только домом. Отец становится кормильцем, работает для того, чтобы мать занималась детьми. Тогда и появляется концепция материнской любви, о любви отца речи не идет. В девятнадцатом веке провозглашается незаменимость матери в воспитании детей, появ-

ляется теория «материнского инстинкта». Отец постепенно теряет свои функции, так защиту и образование берет на себя государство. Становится возможным обеспечение семьи женщиной, развивается женское движение во многих западных странах.

Отношение родителей к детям меняется не только со временем, оно зависит от культурных традиций. Работы М. Мид [3] показали, что родительство заложено в человеке биологическими предпосылками, и только социальные установки могут подавить его. Там, например, где беременность наказывается социальным неодобрением, женщины могут идти на все, чтобы не рожать детей. Кросскультурные исследования свидетельствуют, что там, где люди ценят прежде всего социальный ранг, женщина может убить собственного ребенка (например, когда прежде всего ценится законнорожденность).

Родительские установки в отношении, например, беременности совпадают с установками культуры. Иногда беременность считается неприличным состоянием, о котором нельзя говорить и неприлично замечать. В некоторых культурах к беременным относятся с почтением и наделяют особым статусом [2]. В западных культурах к беременности относятся как к обычному явлению. Существуют культуры, в которых беременность воспринимается как изменение состояния и матери, и отца. Например, среди коренного населения штата Юкатан в Мексике знаком того, что женщина беременна, считаются приступы тошноты, рвоты, диареи и колики у ее мужа. Будущих отцов тянет на соленое, снятся зловещие сны [3]. Взаимоотношения между родителями и детьми сильно детерминированы установками общества. Например, в Японии дети до трех лет спят либо с родителями, либо с бабушками или дедушками, либо с братьями или сестрами, но никогда одни. Такая ориентация детского сна способствует установлению близких, гармоничных отношений между детьми и родителями и принятию культуры, где ценятся гармоничные коллективные отношения. Американские дети почти всегда спят в отдельной комнате, что, по мнению родителей, способствует развитию независимости. Вырастая, представители разных культур по-разному организуют свое взаимодействие с детьми [3]. Культура формирует отношение к детям и опосредовано – через принятое количество детей: в маленькой семье родители уделяют гораздо больше внимания ребенку, чем в большой.

Кросскультурные данные И. Кона [2] показывают, что национальная принадлежность и социально-классовое положение, как вместе, так и порознь, сильно влияют на отношение родителей к ребенку. Но картина далеко не единообразна. Во всех этнических группах родители из более низших социально-экономических слоев склонны к большей строгости, чем представители средних слоев. Но у разных народов это проявляется по-разному, в зависимости от типа поведения. Существенная разница выявилась между европейским и американским стилем воспитания: американские родители более либеральны и

терпимы, нежели европейцы. Но речь идет не столько о большей или меньшей строгости национального стиля, сколько о различном отношении к тем или иным поступкам, так как терпимость в одном часто сопровождается повышенной строгостью в другом. Такая же качественная, а не просто количественная разница, обнаружилась между отцами и матерями. Родительские установки и стиль воспитания тесно связаны с наличием у данной субкультуры тех или иных мотивационных синдромов (потребность в достижении, потребность в аффилиации, ориентация на других). Люди, в этнической культуре которых сильнее выражена потребность в достижении, склонны больше опекать детей, незамедлительно откликаясь на их просьбы о внимании, но они гораздо острее реагируют на проявление дерзости, нежели люди, которые больше ценят групповую принадлежность и дружественные отношения с окружающими [2].

В большинстве культур признается решающая роль матери в выхаживании и воспитании ребенка, об этом единодушно свидетельствуют и этнографические, и исторические данные. Даже когда мать заменяется нянкой или кормилицей, это не меняло принципиального различия мужских и женских функций. Однако в некоторых обществах, в которых очень важную роль играют традиции, например в Полинезии, отцовская роль, ассоциирующаяся с властью и статусом вождя, структурируется и символизируется детальнее, чем материнская [2].

Но у многих народов существуют строгие правила избегания, ограничивающие контакт между отцом и детьми, делающие их взаимоотношения чрезвычайно сдержанными и суровыми, исключаящими проявления нежности. Культ мужчины всегда был культом силы и суровости, а «невостребованные», подавленные чувства атрофируются.

Соответственно отцовство в разных культурах зависит от факторов половых различий и жизненного цикла мужчин и женщин, культурного регулирования сексуальности, интернализации социальных норм и правил поведения, мотивов аффилиации, предприимчивости, достижения и соревнования, особенностей традиций ухода за младенцами и даже языка и экологических условий [11]. Таким образом, анализ исторических данных дает возможность увидеть «размытость», нечеткость ролевого функционала отца и достаточную конкретность и даже в некоторых случаях «узость» роли матери. Это создает серьезные предпосылки для ролевого конфликта в современных условиях отсутствия четкой, нормативной модели семьи, признаваемой в обществе.

Множество исследований взаимоотношений в супружеской диаде показало, что качество отношений отца и ребенка вне брака и в браке коррелирует с качеством отношений супругов больше, чем в случае «мать-ребенок». Среди внешних влияний на отцовство, роль матери имеет свою специфику, так как матери служат партнерами и иногда препятствием в отцовско-детских отношениях и в браке, и вне его. Влияние матери, конечно, связано с отношениями родителей. Но существуют данные, что, даже в

удовлетворительных брачных отношениях, вовлеченность отцов, особенно когда дети маленькие, часто зависит от отношений и ожидания матери, ее поддержки отцу, так же, как и степенью ее занятости. Действительно, исследования показали, что многие матери имеют двойственное отношение к активной вовлеченности отцов [11]. Учитывая мощные культурные ожидания в отношении материнской роли, не удивительно, что активная отцовская вовлеченность в некотором смысле может угрожать женской идентичности.

С другой стороны, необходимо подчеркнуть специфическую уязвимость отцовства к средовым воздействиям [14]. Исследования констатируют большую сложность признания юридического отцовства вне брака и, как следствие, мотивирование абортот и отказов от детей финансовыми и статусными причинами; большее воздействие социальных проблем, например безработицы, на отцовство, чем на материнство. Этим объясняется нелогичность ухода отца из семьи или прекращение выполнения отцовских функций в сложных экономических условиях [7, 15, 17].

В итоге рост разводов приводит к возрастанию количества детей, живущих с одним родителем, в подавляющем большинстве – это мать. Т. А. Гурко [1] говорит о том, что мужчины редко вносят материальный или духовный вклад в воспитание детей, не живущих с ними в одном домохозяйстве. А женщины в таких семьях выполняют и родительские роли и роли добытчиц. Особенно это распространено в России, так как в советское время понятие «отцовство» было весьма слабо представлено в общественном мнении, появляясь только тогда, когда речь шла о лишении родительских прав [2]. В современном обществе мысль о слабости и некомпетентности «нынешних отцов» является весьма распространенным стереотипом общественного сознания. Ученые констатируют [2]: рост безотцовщины, частое отсутствие отца в семье; незначительность и бедность отцовских контактов с детьми по сравнению с материнскими; педагогическую некомпетентность, неумелость отцов; незаинтересованность и неспособность отцов выполнять воспитательные функции, особенно уход за маленькими детьми. Снижению вклада отца в воспитание способствует ломка традиционной системы половой стратификации, оценка отцовства по традиционному женским критериям [13]. В традиционной семье отец выступает как: 1) кормилец, 2) персонификация власти и высший дисциплинизатор, 3) пример для подражания и наставник во внесемейной общественной деятельности и отношениях.

В современной семье эти традиции ослабели из-за женского равноправия, вовлечения женщин в профессиональную работу, тесный семейный быт, где для отца не предусмотрено пьедестала, и пространственная разобщенность труда и быта. В патриархальной семье дети, особенно мальчики, проводили много времени, работая с отцом и под его руководством. В городе дети не видят, как работает отец, а количество и значимость его внутрисемей-

ных обязанностей значительно меньше, чем у матери. По мере того, как «невидимый родитель» становится видимым и более демократичным, он все чаще подвергается критике со стороны жены, а его авторитет, основанный на внесемейных факторах, снижается [2].

В итоге в современном обществе, при отсутствии какой-либо системы воспитания отцовства (в отличие от материнства) и религиозных или социальных санкций за отказ от ребенка, родительство становится личностно обусловленным. Этим объясняется описываемое всеми авторами противоречие в социальных тенденциях проявлений современного отцовства. Появляется социальный запрос на исследования готовности к супружеству и родительству, что находит отражение в исследованиях. Меняются и научные теоретические представления о том, какие именно функции должен выполнять отец по отношению к своим детям. Например, раньше было распространено и в быту, и в науке представление о том, что мать лучше справляется и взаимодействует с ребенком-младенцем «по природе», подчиняясь природному инстинкту, и более приспособлена к этому генетически, поэтому она более компетентна в уходе за ребенком. Сейчас ученые считают и научно обосновывают факт, что принципиальной разницы между отцом и матерью в уходе даже за совсем маленькими детьми нет. Отец может делать это так же хорошо, как и мать, что доказано исследованиями [8]. Но отец делает это совершенно по-другому, чем мать. Исследования показывают, что многие женщины считают, что отцы заботятся о детях хорошо, но делают это только тогда, когда хотят (эта проблема известна как проблема «представления о компетенции») [2]. Однако, согласно Н.-L. Canitz [8], часть отцов вполне удовлетворяются так называемой ролью «заместителя матери», то есть они заменяют мать, когда ее нет, и помогают ей, выполняя ее поручения. Но сейчас все более заметна тенденция к увеличению количества отцов, которые принимают самое активное участие в жизни своего ребенка, начиная с момента его рождения. По статистическим данным, в Германии [6] присутствуют при рождении своего ребенка 90 % отцов – это не просто наблюдение, это переживание процесса родов вместе с ребенком. Хотя это стало нормой сравнительно недавно, раньше долгое время совместные роды по гигиеническим или моральным соображениям были запрещены [12]. Такие отцы очень сближаются со своими детьми, с которыми они вместе пережили роды. В дальнейшем они более близки своим даже очень маленьким детям: они заботятся о них, вполне справляются с пеленанием и проводят с ними очень много времени, ходят с детьми, например, к детскому врачу, очень часто они проводят с детьми свободное время, например на детских площадках и различных мероприятиях для детей, где раньше можно было увидеть только матерей [18]. Одним словом, они стараются принимать самое настоящее живое участие в жизни своих детей и рассматривают время, проведенное с ребенком, по существу (конечно, не все 100 % отцов), как нечто

ценное, как личное достижение, а не как бесцельно потерянное. Фактически даже стиль воспитания изменился за последние несколько поколений. Современные отцы во многом менее авторитарны, чем даже поколение современных дедушек, более эмпатийны и знают больше о каждодневных проблемах и заботах своих детей. Эти данные подтверждаются и американскими исследованиями [15].

Мы полагаем особенно важным отметить, что материнская роль в связи с положением женщины в обществе претерпевает существенные изменения в последние десятилетия. Например, меняются представления женщин о ценности материнства, о роли мужчины в жизни женщины и ребенка. Считается, что если женщина решает родить ребенка, на первом году жизни ребенка материнские функции достаточно определены. Женская роль более традиционна, более инертна – так как во многом биологически обусловлена. Но и она уже не является неизменной. Сейчас часто в обыденном сознании людей материнство ассоциируется лишь с исполняемой ролью, обязанностями и правами. Современная культура не предлагает женщине адекватный образ материнства. Произошедшие социально-экономические изменения в обществе, развитие феминистского движения дали обществу образ самореализующейся в профессиональном плане женщины, на фоне чего образ матери стал менее значимым. В современном обществе очень мало осталось традиционно материнских функций женщины, на них накладываются еще профессиональные. При этом женщина становится более несвободна в отношении карьеры, от нее требуется «быть успешной» в профессиональном плане, однако и требования к материнской роли остаются. В итоге женщина старается выполнить все свои социальные роли: учиться, реализуется в карьере, планирует рождение ребенка после тридцати лет, отказывается от грудного вскармливания, выходит на работу сразу после родов и оставляет воспитание ребенка на откуп более или менее профессиональным педагогам: няням, воспитателям, бабушкам. Юридически и статусно она становится матерью, но фактически ее роль в становлении личности ребенка минимальна. Ее стремление быть матерью обществом не поддерживается.

В соответствии с этими тенденциями и ожиданиями женщины меняется и отцовство. Видоизменение отцовства заметно уже в течение нескольких поколений. Предыдущее поколение уже отошло от традиционной модели поведения отца. В советском обществе была значительно распространена ситуация, когда мужчина был «еще одним ребенком в семье». В итоге нормальное материнское поведение, согласно транслируемым нормам предыдущего поколения в нашей стране, и современными женщинами воспринимается как авторитарное. При этом материнская роль составляет основу самооценки женщины. Ситуация во многом усложняется тем, что женщины сами воспринимают отцов, как своих заместителей, зачастую мужчина вообще не включен в общение и заботу о ребенке-младенце, хотя данный период является важным для установления

взаимоотношений отца и ребенка. Однако потом от отца требуется участие в воспитании ребенка, с которым он уже привык не общаться. С другой стороны, мужчина-отец обязан обеспечивать семью, и если для матери общество полагает возможным и даже предписывает уход за ребенком и обеспечивает женщин специальным отпуском, то мужчины в данном случае менее свободны.

На фоне этих ожиданий конкретные отцовские функции могут варьироваться от полного игнорирования рождения ребенка – до попытки вытеснения матери из отношений с ребенком. Например, после совместных родов, при возникновении сильного бондинга, отец пытается сам включаться в жизнь ребенка и испытывает ревность к жене, когда она кормит ребенка грудью. Это происходит из-за противоречивости материнских ожиданий и отсутствия нормативной модели родительского поведения у современного отца.

Согласно экологическому подходу, провозглашенному Doherty [11], социальная детерминированность отцовства связана, в первую очередь, с зависимостью выполнения отцовских функций от отношений с женщиной-матерью. Согласно ему, женщина должна помочь мужчине быть хорошим отцом. Изменчивость индивидуального выполнения функций отца обуславливает два важных момента:

а) положительная поддержка от матерей и среды может помочь мужчине быть более ответственным отцом, даже при плохих экономических условиях;

б) сильное желание отца, знание и навыки, вероятно, могут преодолеть отрицательное отношение матери, конфликты с ней, а также неблагоприятные влияния среды.

Однако современная женщина сама не всегда способна разобраться в предписываемых женщине ролях, так как они тоже имеют некоторое рассогласование. Поэтому она не может помочь мужчине в становлении отцовства, такая мать чувствует в этом угрозу собственной «священной материнской роли» от мужчины, который, даже если он участвует в жизни ребенка, но, не имея определенной модели родительства и культуры отцовства, просто пытается перенять женскую модель. В итоге современной женщине проще самой вырастить ребенка – экономически она это сделать может, и не надо ни с кем «делить» ребенка, искать компромисс в воспитании. И зачастую такая непримиримая позиция приводит к незаключению брака во время беременности или даже распаду семьи и воспитанию ребенка одной женщиной.

Таким образом, свойственное современному обществу рассогласование родительских ролей приводит к семейным и детско-родительским проблемам. Выход из подобной ситуации не может быть найден только в изменении административных, юридических или экономических условий жизни общества. Кризисная, разобщенная, потерявшая ориентиры современная семья остро нуждается в качественных моделях супружеских и родительских взаимоотношений. Многие современные семьи потеряли связи с прауродителями и традиционными ка-

налами передачи знаний от поколения к поколению и часто не имеют ясного представления о распределении родительских ролей семье. В настоящее время задачей психологов, работающих с семьей, особенно с молодой семьей на этапе беременности и рождения детей, является разработка программ, методов и методик работы по созданию общности родительских ролей конкретной семейной пары. Думается, что, помимо всего прочего, активная просветительская работа специалистов всех направлений и уровней, работающих со школьниками, с молодежью, взрослыми людьми, семьями, пропаганда здоровых семейных ценностей в молодежной среде, если и не способна кардинально вывести современную семью из кризиса, но поможет сделать шаги для изменения ситуации к лучшему.

Литература

1. Гурко, Т. А. Родительство в изменяющихся социокультурных условиях [Текст] / Т. А. Гурко // Социс. – 1997. – № 1. – С. 72 – 79.
2. Кон, И. С. Ребенок и общество: историко-этнографическая перспектива [Текст] / И. С. Кон. – М.: Наука, 1988. – 269 с.
3. Мид, М. Культура и мир детства [Текст] / М. Мид. – М.: Наука, 1988. – 429 с.
4. Олиферович, Н. И. Семейные кризисы: феноменология, диагностика, психологическая помощь. [Текст] / Н. И. Олиферович, Т. А. Зинкевич-Куземкина, Т. Ф. Велента. – М.; Обнинск: ИГ-СОЦИН, 2005. – 356 с.
5. Ariès, P. *Geschichte der Kindheit* [Text] / P. Ariès. – München; Wien, 1975.
6. Barth, S. *Vaterschaft im Wandel* [Text] / S. Barth // *Sozialmagazin*. – 2000. – № 1. – S. 14 – 22.
7. Camus, J. *Väter. Die Bedeutung des Vaters für die psychische Entwicklung des Kindes* [Text] / J. Camus. – Beltz, 2001.
8. Canitz, H.-L.v. *Väter. Die neue Rolle des Mannes in der Familie* [Text] / H.-L.v. Canitz. – Frankfurt; M.; Berlin; Wien, 1982.
9. Carroll, J. S. *Ready or not? Criteria for marriage readiness among emerging adults* [Text] / J. S. Carroll, S. Badger, B. J. Willoughby, L. J. Nelson, S. D. Madsen, C. M. Barry // *Journal of adolescent research*. – May, 2009. – Vol. 24. – P. 349 – 375.
10. de Mause, L. *Evolution der Kindheit* [Text] / L. de Mause // *Ders. (Hrsg.): Hörst ihr die Kinder weinen. Eine psychogenetische Geschichte der Kindheit*. – Frankfurt; M., 1977. – S. 12 – 111.
11. Doherty, W. J. *Family theories and methods: A contextual approach* [Text] / W. J. Doherty, P. G. Boss, R. LaRossa, W. R. Schumm, S. K. Steinmetz // P. G. Boss, W. J. Doherty, R. LaRossa, W. R. Schumm, S. K. Steinmetz *Family theories and methods: A contextual approach*. – New York: Plenum Press, 1993.
12. Fthenakis, W. E. *Engagierte Vaterschaft – Die sanfte Revolution in der Familie* [Text] / W. E. Fthenakis // *Herausgeber: LBS-Initiative Junge Familie*. – Opladen: Leske & Budrich, 1999. – S. 352.

13. Fthenakis, W. E. Väter, Band I, Zur Psychologie der Vater-Kind-Beziehung [Text] / W. E. Fthenakis. – München: Urban & Schwarzenberg, 1985.
14. Fthenakis, W. E. Väter, Band II, Zur Vater-Kind-Beziehung in verschiedenen Familien-Strukturen [Text] / W. E. Fthenakis. – München: Urban & Schwarzenberg, 1988.
15. Grams, A. Fatherhood and motherhood in a changing world [Text] / A. Grams // Internat. Child Welfare Rev. – Geneve, 1970.
16. LaRossa, R. Continuity and change in middle class fatherhood: 1925 – 1939 [Text] / R. LaRossa, D. Reitzes // Journal of Marriage and the Family. – 1993. – №. 55. – P. 455 – 468.
17. Lenzen, D. Vaterschaft. Vom Patriarchat zur Alimentation [Text] / D. Lenzen. – Reinbek bei Hamburg, 1991.
18. Pleck, J. H. Paternal involvement: revised conceptualization and theoretical linkages with child outcomes and paternal involvement: levels, sources, and consequences [Text] / J. H. Pleck // Lamb M. E. The role of the father in child development (5th ed.). – New York: Wiley, 2010. – P. 58 – 93.